

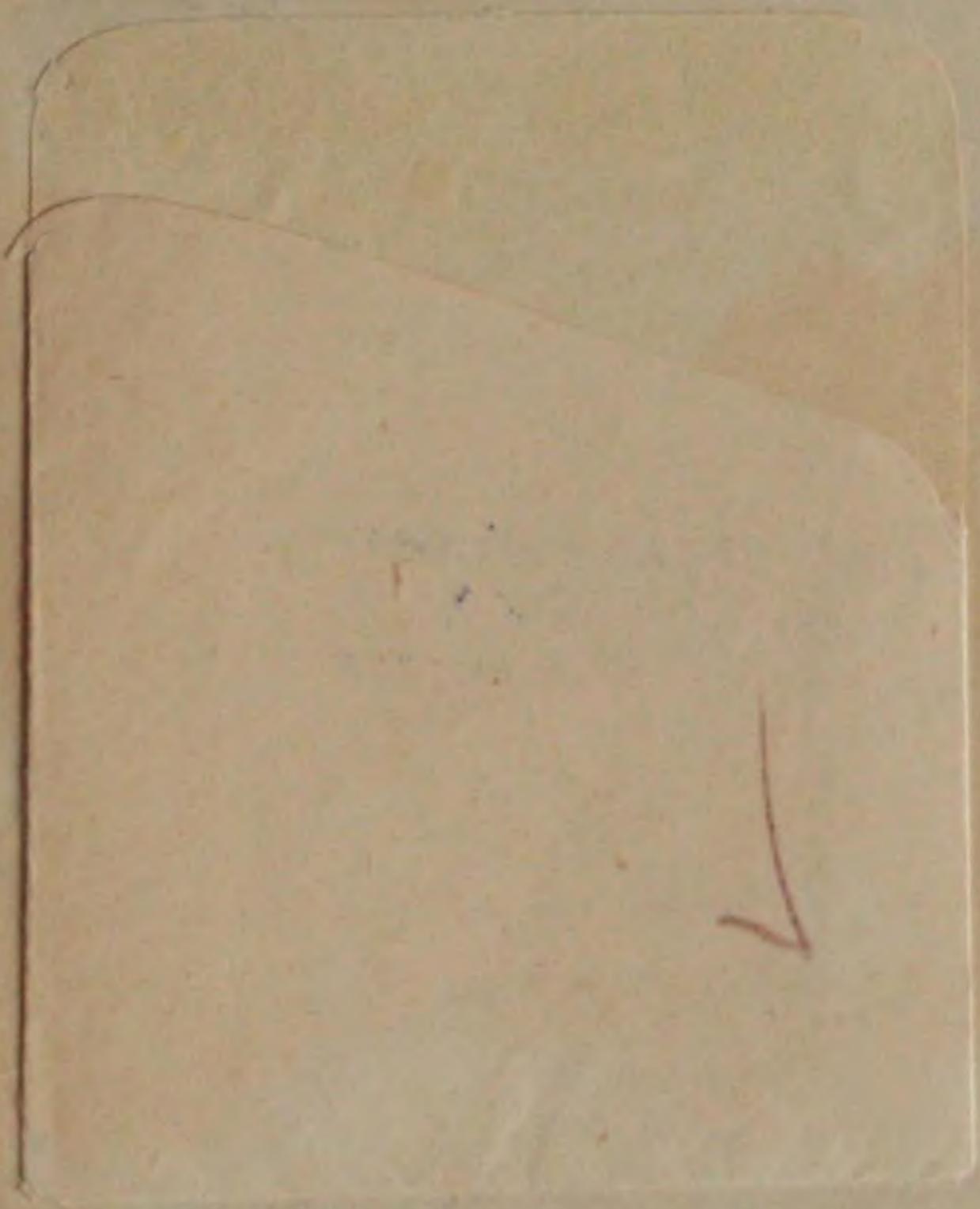
05

В горах АЛТАЯ

ОБЛАЦИЗДАТ • 1950

Горный Алтай Республика Область
• БИБЛИОТЕКА •

82

С (182.)

В-11

В ГОРАХ АЛТАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК

1950 г.
20965

Горно-Алтайская Областная
Библиотека

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1950

STATE OF TEXAS

County of _____

Know all men by these presents, that _____ of the County of _____ State of Texas, for and in consideration of the sum of _____ Dollars, to _____ in hand paid by _____ the receipt of which is hereby acknowledged, have granted, sold and conveyed, and by these presents do grant, sell and convey unto the said _____ of the County of _____ State of Texas, all that certain _____

Witness my hand and seal of office this _____ day of _____ 19____.

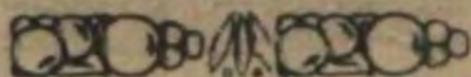
ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ

Великий Сталин ярче солнца светит,
Он нашу жизнь лучами озарил;
Да разве есть еще родней на свете,
Кто б свой народ так пламенно любил!

Он четверть века с Лениным шел рядом,
Он вместе с Лениным рвал вековую тьму.
Нет слов таких, чтоб выразить всю радость,
Всю глубину любви людской к нему!

Он спас от гибели народ Алтая,
Он дал нам свет и радостную жизнь.
Вождем указанная столбовая
Дорога приведет нас в коммунизм.

Сегодня в день семидесятилетия
Несем к нему тепло своих сердец.
Пусть над землею вечно солнце светит!
Пусть много лет живет родной отец!

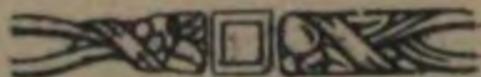
МЫ ИДЕМ К КОММУНИЗМУ

Веселым блеском засверкали дали,
Союз республик, словно сад расцвел.
Великий вождь любимый, мудрый Сталин
К победам лучезарным нас привел.

Простых людей он вывел на свободу,
Тепло в сердца народные вдохнул.
За теплоту, за ласку от народа
Летят слова приветствия к нему.

Благодарят отца за радость жизни
Народы нашей солнечной страны,
За ясную дорогу к коммунизму,
Огни которого все явственней видны.

И мы идем уверенно и строго
По той дороге за вождем вперед.
Мы знаем—эта верная дорога
К высотам коммунизма приведет.

ДУМА О ВОЖДЯХ

Много слез пролито было,
Много скорбных песен спето,
О судьбе людской постылой,
Много думаво про это.

Нам и солнце не светило,
Нам чужими были горы.
От аила до аила
Кочевало наше горе.

Мчались годы. И туманы
Заволакивали дали.
Мы старели очень рано
Слишком рано умирали.

Припади к траве зеленой
И послушай на рассвете:
Наши слезы, наши стоны
Переполнили столетья.

Словно в сумраке осеннем
Жили люди солнца ждали.
Если б не великий Ленин
Мы бы солнца не видали.

* * *

Над горами ярко светит
Солнце жизни молодое.
Как легко нам жить на свете,
Жить и звать, что все былое

Не вернется. Что не даром
Кровь свою народы лили.
Погляди вокруг, амбары
Распирает зерен сила!

Погляди на эти склоны,
Сколько там отар колхозных!
Над моим просторным домом
Машет ветками береза.

Плещут зори. Птицы песни
Свящут звонко на рассвете.
Край любимый! Край чудесный!
Хорошо нам жить на свете!

Не найдешь нигде печали
В буйном море изобилья!
Это ты, товарищ Сталин,
Наши сказки сделал былью.

Это ты ведешь нас к счастью
По дороге вольной жизни,
Из осенних дней ненастья
К вечной славе, к коммунизму!

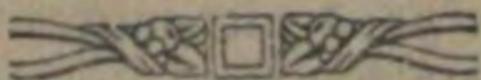

СВЕТЛЫЙ ДОМ

Много лет здесь был слепой аил,
Много лет Атпай в аиле жил.
А сегодня он аил свой сжег, —
Над землей рассеялся дымок.

Дом Атпаю выстроил колхоз,
В светлый дом Атпая перевез.
Собрались колхозники на той,
На веселый праздник на большой.

Произнес Атпай такую речь:
— Столько жить, сколь реки будут течь
Я желаю нашему вождю,
Вместе с ним я в коммунизм войду.

КЫРАЧИ

Дули южные ветры,
Падала с крыш кашель.
Тысячи километров
Прошел по земле апрель.

Извилистый след горностая
Ручья унесли с собой.
Летят журавлиные стая
К гнездовьям земля родной.

Шумят лебязьи озера,
Напевно звенит волна...
В мои голубые горы
Вернулась опять весна.

На ветках щебечут птицы,
И сердце сильнее стучит.
Опять, хоть убей, не спится
В такую ночь Кырачи.

Лишь только крылом лиловым
Заплещет заря вокруг,
Встает Кырачи и снова
Коней запрягает в плуг.

А ветер траву колышет.
Прохладой полны поля.
В лицо ему ласково дышит
Родная на век земля...

Здесь все ему с детства любо:
И даже, когда под плуг,
Снимая зеленую шубу,
Покорно ложится луг.

И даже, когда над пашней
Стайкой взлетят грачи.
И солнце лучами машет,
Приветствуя Кырачи.

Давно он забыл усталость
Не думает он о сне...
...Любая работа радостью
Стала в его стране.

ПЕСНЯ

Пой, топшур! Песню счастья мой!
Пусть не плачет твоя струна.
Пусть плывет над Катунью моей голубой
Медоносным потоком весна.

Соловьем ваше счастье в горах звенят,
Радость лебедем рвется в высь.
Пой о том, как большие, светлые дни
К вам на праздник в колхоз сошлись.

Цвет ты яблонный, край мой дремучих рек—
Древний край голубых озер.
Пой, топшур! Слушай песню мою, человек,
Вольный житель Алтайских гор.

Эту песню мне ветер привнес с собой,
Ее пели мне волны рек.
Пой, топшур! Про народное счастье пой!
Слушай песню мою, человек!

* *
*

Я иду по земле и походка легка.
Надо мною, как гуси, плывут облака,
Журавли пролетают махая крылами.
Над горами, лугами, родными полями.

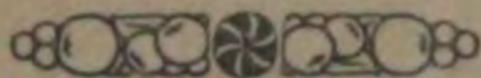
Где пшеница волной разливною шумит
И колхозный чабан журавлям говорит:
—Журавли, журавли—поднебесные птицы,
Если ваша дорога лежит над столицей,

Над лучами рубиновых звезд пролетая,
Передайте вождю от народов Алтая
Наш сыновний привет. И скажите—отныне
Над горами, как солнце, горит его имя.

Что земля наша розовым цветом цветет,
Что народ наш счастливые песни поет.
Я иду по земле и походка легка,
И на струны топшура ложится рука.

И летит моя молвия—песня в лазурь!
Пой о счастье народном, мой звонкий топшур!
Пой, чтоб слышали в каждом колхозном авле,
Чтоб от песни рождались орлиные крылья,

Чтобы песня служила, как меч боевой,
Чтобы песня на подвиг звала за собой!

СТИХИ О МОИХ ЗЕМЛЯКАХ

Секретарь райкома

За окнами полночь.
На небе луна.
И снег ноздреватый
На крышах искрится,
А ему не дает
Покоя весна,
Все мысли о ней,
Потому и не спится.

Над сводкой о ходе
Ремонта машин
Сидит. Но не цифры,
А люди живые.
Встают перед ним—
Соловьев, Шестернин...
Хорошие парни,
Танкисты лихие.

Он сам их водил
В огневые бои,
В суровые схватки
С врагами отчизны
За жизнь на земле,
За цветенье земли,
За счастье детей,
За весну коммунизма.

Кузнец

Весь день стоял у наковальни, —
У кузнеца не мало дел, —
А вечером в избе-читальне
За томом Сталина сидел.

И перечитывая строки
О днях горячих, словно горн,
В той каждой строчке видел он
К мечте заветной путь широкий.

Топшурист

Не в юрте дымной у костра,
Не в шубе из бараньих шкур
Я повстречал его вчера,
В его руках звенел топшур.

О новой жизни пел кайчи,
О нашем доблестном труде,
О том, кто к счастью дал ключи. —
О лучшем друге и вожде.

Колхозный клуб битком набит.
Поближе к сцене — старики,
На окнах шторы шевелит
Плывущий ветерок с реки.

На гидростанции монтер
Включил рубильник. Брызнул свет.
Как будто тысячи комет
Вершины озарили гор.

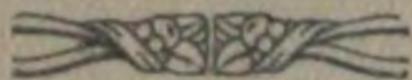
Огочь от лампочек лучист.
Колхозный клуб битком набит.
Поет о счастье топшурист
И радостно топшур звенит.

Чабан

Его лицо все ветры целовали,
Покрыли бронзой горные лучи,
Его глаза во все глядели дали,
Ойгор-кижи прозвали Адучи.
В большом труде,
В любви к родному делу
Вся мудрость Адучи воплощена.
Он горд и счастлив—
Ему на грудь надела
Звезду Героя за труды страна.

Девушке—садоводу

Ты привела меня в свой сад.
Здесь зреют яблоки и груши,
Здесь вишни спелые горят,
Здесь—молодеют наши души.

ПЕСНЯ ПАСТУХА

Иноходцы далеко ушли
По следам буланого коня.
Дни мои, как в сказке, расцвели —
Это счастье светит для меня...

Где тропинка до реки идет,
Виден след каурого коня.
Песни моя молодость поет —
Это счастье светит для меня.

Чалый конь далеко не уйдет,
Если он пасется на лугу.
Армия советская пройдет,
Я налюбоваться не могу.

Серый конь склонился над водой,
Будет воду ключевую пить.
Под пятиконечную звезду
Хорошо народу стало жить.

В ГОРАХ МЕНДУР-СОКОНА

Было время. Оглашались стовом
Синие хребты Мендур-Сокова ¹⁾
Было время. Под жестокой плетью
Умирал кочевник. Только ветер
Выл в ущельях долго и уныло
Над его заброшенной могилой.

По-другому обернулось время,
Стали мы теперь уже не теми.
Расцвела под сталинским законом
Наша жизнь в горах Мендур-Сокова.

Мы живём и знаем, что навеки
Всё, что есть: луга, поля и реки,
Гладь озёр, богатства гор и леса—
Нам с тобой принадлежат, ровесник.

Мы идём дорогою прямою
К коммунизму дружною семьёю.
Русский называет меня братом,
Жизнь моя, как хороша ты!

¹⁾ Мендур-Соков—название гор в Усть-Кане.

ВЕСНА

На дворе—чудесная погода.
Бьют лучи. А даль свежа, ясна...
Молодая дочь большого года,
К нам пришла красавица весна.

Кто же жаждал твоего прихода!
У кого ты в сердце не была!
Ты пришла, и горная природа
Ожила, запела, зацвела.

От дыханья твоего оттаял
Звонкий лед Катуня голубой.
По долинам солнечным Алтая
За прибоем поется прибой.

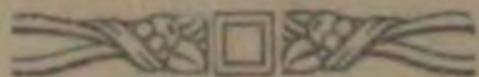
Ты идешь, повсюду оставляя
Бурной жизни яркие следы.
Ты идешь и травы оживают,
Пламенеют нежные цветы.

Можжевельник трепетные лапы
Протянул в синеющую тьму.
До чего же ароматный запах
Принесла ты, щедрая, ему!

Вьют синицы гнезда. Распевают
Целый день скворцы. Кричат грачи.
Тихой стаей ласточки летают.
На заре играют косачи.

Всюду ты весна, весна...
Ты снова
Нас ведешь на пашни и луга,
Как и все прекрасное—сурова,
Как и все прекрасное—строга.

Беспристрастным контролером нашим,
Над горами кружится весна.
Ладно ль сеем, хорошо ли пашем—
Все проверит, выверит она!

1953

20965

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Буду моряком

Простор морей меня влечет,
Хоть я еще и мал.
Как только вырасту большим,
Так встану за штурвал,

По курсу буду плыть и плыть
Из моря в океан,
И имя будет у меня
Морское — капитан.

У меня лошадка есть

У меня лошадка есть,
Но не знаю, как мне сесть,
Чтобы вихрем в поле мчаться,
С буйным ветром повстречаться

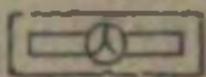
На ретивом скакуне
Побывать бы на луне,
Посмотреть, что там творится,
А потом бы возвратиться.

За селом колхозным

За селом колхозным
Травы зеленеют
И цветы на поле
Радужно пестреют.

Рожь стоит стеною,
А за рожью ели.
У околиц бойко
Свищут коростели.

Песни звонко льются,
Песни урожая.
Вот какая ваша
Сторона родная!

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Синий вечер. Месяц золотой.
Поднимался в облака несмело.
Девушка стояла над водой,
Над водой прохладной ключевой,
У березки белой.
Шелестели тонкие листы,
Травы наливались буйным соком.
Девушка мечтала, и мечты
Улетали высоко, высоко.
И сказал ей парень молодой:
—Погляди, Светлана,
Как сверкают звезды над тобой.
Хочешь, для тебя звезду достану?
Улыбаясь, молвила девчина:
— В небо забираться нет причины.
Слишком высоко на небо лезть,
Слишком ненадежные пути.
На земле поярче звезды есть,
Я хочу их на земле найти.

* * *

Помнится, как на заре румяной,
Раньше всех своих подружек встав,
Шла на поле девушка Светлана
По росе средь утренних купав.
Как она лелеяла, растила
Всходы молодые,
Словно мать,
Богатырскую дала им силу
Против суховеев устоять.
Выросли они
И закачались,

Полными колосьями звеня,
Зрея под горячими лучами
Яркою ликующего дня.
И в Кремле
Пред ней открылись двери,
И у всех, кто был там, на виду,
К кофточке ее товарищ Шверник
Золотую прикрепил Звезду...

* *
*

Девушка счастливо улыбнулась,
Как умеет улыбаться юность.
.. Вот и я нашла ее, земную,
На прекрасной Родяне моей,
Не простую, Золотую
Звездочку в пять солнечных лучей.

В колхозном саду

Ой ты, яблонь белый цвет,
Сад зелёный сад.
Ходит садом знатный дед
Курит самосад.
Ходит, будто сам Мичурин,
Смотрит, всё ль в порядке...
Глаз на деревцо прищурив,
Достает тетрадку.
Оставовится степенно—
Сделает отметку.
Прикоснется к белопенной
Яблоньке-рапелке.
Приподнимет куст шафрана,
Подстрижет немного.
...А с белков плывут туманы
Слетаются над логом.
(Как бы не было мороза
Нынче на рассвете).
Ведь за сад перед колхозом
Садовод в ответе.

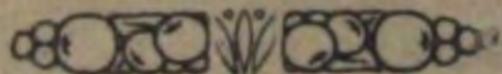
* *
*

Теплый август зноем дышит,
А в горах прохлада.
Мимо яблонь, мимо вишен

Я иду по саду.
Пахнет в солвечных аллеях
Луговой ромашкой.
Вот и груша, а под вею
Небольшой шалашик.
—Здравствуй дед! Ну, как делшки?
—Лучше не желаю,
Сад веду, читаю книжки,
Почту разбираю...
Пишут со всего аймака,
Даже сердце радо.
Посоветуй, дед, нам, как, мол.
В отношенья сада.
Если можно, черенками
Окажи подмогу...
Звёзды вспыхнули над нами,
Ночь плывёт над логом.
Дувул ветер. Где-то рядом
Яблско упало.
Затянувшись самосадам,
Дед сказал:— Бывало,
Вот была ведь жизнь какая—
За любые тыщи
По всему, сынок, Алтаю
Яблока не сыщешь.
А теперь и жизнь без сада
Мы с тобой не мыслим.
Эх, еще бы винограда
Гроздья здесь повисли!
И махнув рукою в темень
Дед промолвил:— Будет!

* * *

Золотое мое время!
Золотые люди!

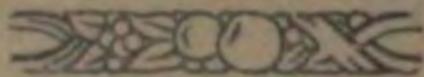

ЖИЗНЬ ХОРОША

Где бежит водопад через гор оскал
И лижет, пенясь, уступы скал,
Сидит у костра он, молод душой,
Бодрый, как соболь, Малчы седой.
Хозяин Алтая, охотник лучший
Пред ним отступают горные кручи, —
Чашку наполнив соленным чаем,
Добычу свою на досуге считает.
Глянуло солнце ласковым взором,
Залило светом высокие горы,
Вершины деревьев багровыми стали.
Золотом скзлы вокруг заблестали,
Свет все теми столкнул под откосы,
Нехотя шли они в дол, где росы.
Солнце лучи захотели вскоре
С жарким блеском костра поспорить...
Бережно всю уложив добычу,
Малчы коня послушного кличет.
И едет в путь, арчымак перекинув
Через седло на конскую спину.
День и два охотника в дороге.
Под ним высоких хребтов отроги,
Малчы от истоков реки Абай
Бросает внимательный взгляд на Алтай.
Иным, чем был с самых давних пор он,
Алтай теперь встает перед взором
И прошлое вспомнив, охотник седой
Шепчет с улыбкой, кивнув головой:
„В горах, где не было перевала,
По бомам, где лошадь дорог не знала,
Трудом муравьиным пути прорыты,
И кони железные бьют копытом,
Мчатся они без преград во всю мочь,

Не зная устали день и ночь,
Катунь—сестра неприступных гор—
Дивлюсь на нее я с недавних пор:
У ней, не дававшей нам переправы,
Скрепили мы левый берег с правым.
Анос, Аюлу наших речек сила
Ильичевой лампочкой осветила.
Стонув не слышно и слез не видать
Воздухом чистым привольно дышать.
Каждый живущий теперь на Алтае,
Хозяин той жизни, то здесь расцветает,
Всюду веселая песня звучит,
Дружная всюду работа кипит".
Слов старик не может найти,
Чтоб выразить все, что он встретил
в пути.

Тронув ковя, за высокой горой
Видит охотник колхоз родной.
Смотрит Малчы, как с горы богатырь,
Улицы вдаль убегают и вширь.
Красуются друг перед другом дома.
В сердце улыбка родится сама.
Ясли в поселке, и клуб, и школа
Высятся крышами в небе веселом,
Жизнь кипучая плещет волна.
Радость колхозная всюду видна,
Стройные ивы шумят на просторе,
Словно рязлявы зеленого моря.
Стадо коров меж цветущих полей,
Словно идущих судов караван.
Овечья отара на солнечных травах,
Облаком белым плывет величаво.
— Жизнь хороша и душа не молчит,
Всю оглядев, восклицает Малчы,
И повод коня осторожно потрогав,
Едет он бодро широкой дорогой.

ЯБЛОНЬКА

Выросла кудрявая,
Расцвела красавица,
Будто от метелицы
Вся белым белая.
На ветру качается,
Солнцу улыбается
—Здравствуй, моя яблонька,
Как твои дела?

А вокруг да около
Тополя зеленые
Кланяются в пояс ей,
Шепчут о весне.
Но молчит кудрявая.
Веткам влюбленными,
Золотыми ветками
Тянется ко мне.

Выйду я навстречу ей
Нежную и звонкую,
В честь ее красавицы,
Песню запою.
—Здравствуй, моя яблонька,
Здравствуй моя тонкая,
Украшай веселую,
Молодость мою.

ПЕСНЯ АЛТАЙ КИЖИ

Эта песня алтай кижн,
Пусть летит она до Кремля.
Эта песня от всей души.
В ней вся радость, любовь моя.

Я счастливый, долиной иду,
Я гляжу, как Алтай цветет.
Мы обязаны этим вождю,
Он нас к светлым далям ведет.

Песней славлю тебя, отец,
Песнь сыновью любовь несет,
Песнь несет ласку наших сердец,
Пусть наш Сталин вечно живет!

Кузнец

Он солдат,
Он вынес все сраженья.
Он пришел с победой.
Потому
В этот год колхозное правленье
Кузницу доверило ему.

На его груди горят медали.
Струйки пота падают с лица.
О весне поет полоска стали
Под рукой солдата кузнеца.

СОЗИДАТЕЛИ

Говорили:—Нельзя!
Говорили:—Не будет!
Разве может в Сибири
Растя виноград?..
Но пришли как-то в горы
Упрямые люди,
И сказали они:
—Здесь мы вырастим сад!

Засверкали лопаты
На солнечных склонах,
Обнажились
Под лемехом плуга земля.
Через год здесь, бушующая
Листвсю зеленой,
Поднималась
К седым облакам тополя.

Разметались ползучие
Ветки шафрана,
Встали яблони в ряд,
Глядя в синюю даль...
Запылали на клумбах
Букеты тюльпанов,
И зацвел первоцветом
Пахучий миндаль.

Нет предела дерзанию!
Я верю, что скоро
Станет былью все то,
Что мы звали мечтой.
Золотыми цветами
Покроются горы,
Будет садом сплошным
Наш Алтай голубой!

ПЕСНЯ

Заливистым девичьим голосом она звенела над широким, золотисто-желтым разливом высоких хлебов, точно жаворонок, взлетала ввысь, к самым облакам, одиноко плывшим по чистому, небу и оттуда вновь опускалась вниз, легко оседая на поля, на горы, на бесконечно долгую и пыльную проселочную дорогу. Слов песни нельзя было разобрать, но сама мелодия, звучание голоса — широкое задушевное — говорили о больших чувствах, вложенных в нее и автором и девушкой, певшей ее.

Николай Щерба почувствовал, как на него нахлынула волна воспоминаний о родной Украине. Он вспомнил такие же, только еще более просторные, поля Полтавщины. Сад, белым цветением жавшийся к самому дому. Скамеечку под старой яблоней, на которой любила сидеть поздними вечерами мать, петь с подростком сыном хорошие песни.

Тяжелая усталость валила ноги, отмерявшие за день немало верст. Николай решительно повернулся к спутнику, предложил:

— Присядем, товарищ! Отдохнем малевько.

И недожидаясь ответа, он стал располагаться на запыленной траве у самой кромки ишевичного поля. Сняв с плеч, уложил рядом с собой походную сумку, в которой хранил свой немудреный солдатский скарб.

Пожилой, но еще довольно крепкий попутчик Николая в нерешительности постоял на месте, глядя на солдата, почесал в раздумьи бородку.

— Ах, ёлки зеленые! Садиться-то бы не след, только зря разморишься, а втгы-то ведь совсем недалеко теперь.

Сказал и почти тотчас же сел рядом с Николаем, который уже растянулся на траве, закинув под голову руки.

Николай вспомнил о своем товарище Петроване Чернове, с которым вместе служил в армии и который был повинен

в том, что он, Щерба, лежит сейчас здесь, в широкой долине Алтайских гор, дышит этим воздухом, слушает эту песню. Дело в том, что Николай не избежал участи, постигшей многих солдат. Выстояв в борьбе с врагом, честно отслужив Родине, он не знал, куда ему податься после демобилизации. По письмам односельчан он знал, что и сад и домик его на Полтавщине были разрушены немцами, что мать больше не выйдет встречать его—она была расстреляна фашистами. Сестер же и братьев у него не было.

Петрован, с которым Николай делился всем, предложил другу поехать в далекий Алтайский край, краше и богаче которого, по его словам, сыскать трудно. Петрован даже пытался путем переписки познакомить Николая со своей сестрой, работавшей дома, в Уймонском колхозе. Сестра несколько раз даже вкладывала записочки для Николая в письма, адресованные брату, но это были лишь записки, говорившие об уме, склонности к врония, осмотрительности девушки и больше ни о чем. Николай не стал отвечать ей, особенно после того, как прочитал в письме к Петровану такие слова:

„А нахваливаешь ты мне своего товарища, Петрован, совсем зря! Вкусу я, правда, твоему верю, только у меня на этот счет и свои неплохие соображения есть. Потом, ведь знаешь, ката в мешке не покупают!“

Писать девушке Николай не стал, но письма ее читал с интересом. Поехать на Алтай согласился охотно. Правда, не потому, что там была девушка, которую он, собственно, почти не знал, а просто так—не все ли равно, где начинать гражданскую жизнь солдату, если у него нет ни дома, ни семьи!

Раздумывая об этом, Николай продолжал лежать на спине, глядя на голубое небо, точно невесомый купол покрывавшее долину. Спутник его сидел молча, сосредоточенно растирая в руках сорванные колосья. Заметив, что солдат повернулся к нему, он сказал:

—Хороша пшеница! Пару колосьев разомнешь—полная горсть зерна.

И он протянул ладонь, на которой лежали крупные зерна пшеницы.

—Ваша?—спросил Николай.

—Нет. Соседнего колхоза. Того, куда ты направляешься. Но у нас, пожалуй, еще лучше будут хлеба!

Немного помолчав, пояснил:

—Соревнуемся мы с ними, уж сколькой год.

Между тем песня, теперь уже не протяжная и раздумная, а задорно-звонкая — приближалась, обступала, нарастала. К звукам песни присоединялся ритмический стрекот жатки. Мужчины встали и увидели, что кромкой полосы, прямо к ним движутся лошади, запряженные в самоброску. Взмахивая крыльями планок, машина как бы плыла по волнующемуся морю желтых хлебов. На машине сидела девушка и ото всей души пела. Пела так, как только может петь человек, знающий, что его никто не слушает. Были слышны слова песни:

Зря записок ты мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай.
Голубые глаза хороши,
Только мне потюбились карие...

А тебя об одном я прошу,
Понялрасву меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай...

Когда машина подъехала к тому месту, где отдыхали спутники, девушка остановила лошадей и легко соскочила с сиденья, чтобы поправить что-то в машине.

Николай подошел к ней поближе.

— Вот оказывается кто нарушает тишину, — сказал он. — Это значит вы поете?

— Как видите, — отвечала девушка, не поворачивая головы, продолжая возиться у машины. — А вам что, не нравится? Так вы не слушайте! Я для себя пою, а не для посторонних.

— Вот как?! — Удивился Николай. — Во первых, слушать не заказано, во вторых, никто не говорил, что нам не нравятся песни — песня хорошая, особенно слова, если конечно, они не адресованы конкретному человеку. А в третьих, я совсем не посторонний, как вы думаете. Понятно?

— Не совсем, — ответила девушка и, выпрямившись, повернулась к Николаю. — Почему же это вы вдруг не посторонний, если я вас даже в этих краях впервые вижу?

Николай ответил не сразу. Он некоторое время молча смотрел на девушку. Она была небольшого роста со смуглым, обветренным лицом, на котором были одновременно видны черты и застенчивости и решимости, сосредоточенной задумчивости и по-детски озорного лукавства. Выжидая ответ, она сняла с головы пеструю косынку и стала опрашивать разметавшиеся волосы. Белокурые, они были так освещены светом, точно набиты солвечой пеной.

— Потому, — наконец, ответил Николай, — что я теперь здешний, местный.

Он сам чувствовал, что говорит совсем не то, что надо было сказать, а потому сразу умолк.

— И это все? — вскинула озорные глаза девушка. — Не очень много и не совсем убедительно. Ну да ладно, сейчас мне некогда. Надеюсь, если вы действительно здешний, поговорим в следующий раз.

Девушка, набросив косынку, легко вскочила на сиденье и тронула вожжя.

— Ты что же, служивый, никак и впрямь местным стать хочешь? Прирос к одному месту и про дорогу забыл. Итти вадо.

Николай еще раз посмотрел вслед девушке, молча поднял и забросил за плечи мешок и зашагал следом за своим попутчиком.

* * *

Колхозная контора помещалась в центре села, в большом двухэтажном доме, желтевшем свежими, еще не успевшими потемнеть от времени бревнами сруба. Когда Николай и его попутчик подошли к конторе, из нее вышел крепкий и стройный мужчина. Он взял за повод лошадь и уже поставил ногу в стремя, готовясь сесть в седло, когда попутчик Николая окликнул его:

— Погодя. Василий Андрееч! Гостя вот к вам привел.

Мужчина выпростал ногу из стремени. С недовольным видом, однако четко, по армейски повернулся к подошедшим. Николай почему-то с удовлетворением отметил и эту армейскую выправку и то, что человек был одет в выцветшую от времени защитную гимнастерку, с темными полосками на местах погон и орденской колодочкой на груди.

— Ах, ёлки зеленые, и вечно он торопится, и вечно на походе, — продолжал тем временем колхозник. — Поговори вот лучше, Василий Андрееч, со служивым, а председательские дела твои ни куда не убегут.

Председатель перевел взгляд на Николая, разглядывая его.

— Что у вас за дело ко мне?

Николай почувствовал себя неловко. Ему показалось, что он здесь лишний, посторонний. Люди были заняты своими, неотложными заботами, а он отрывал их от дел.

— Если вы очень торопитесь, я обожду, мне не к спеху.

— Да нет, зачем же! Хотел в бригаду проехать, но еще успею.

Николай коротко объяснил в чем дело. Председатель внешне преобразился. Приветливая улыбка разгладила на его лице черты забот и неприязни.

— Так что же мы здесь стоим, — удивился он. — Пойдем наверх, потолкуем. А тебе, Кузьмич, спасибо за такого гостя.

Кузьмич, почувствовав нужный оборот дела, не торопился уходить. Переминаясь с ноги на ногу, он говорил:

— А мы, Андреич, пешечком шли. Был я у дочки в райо-
не. Вышел оттуда за село, служивого встретил. Ан ни ма-
шины, ни подводы какой — ясное дело, страда. Ну мы, ёлки
зеленые, и давай ногами мерять километры, что твои зем-
лестроители. Только вы. Авдreich, не обижайте парня, он
человек хороший, заслужил заботу.

— Ладно, ладно, Кузьмич, — перебил председатель. — У
нас человек никогда не бывает обижен, как, например, у
некоторых.

Колхозник вопросительно поглядел на председателя, точ-
но соображая, стоит ли отвечать на этот явный намек. По-
том вдруг, что-то вспомнил, засуетился, запустил руку в
непомерно глубокий карман штанов, сосредоточенно ища
там что то. Через минуту он протянул председателю ладонь,
на которой лежали крупные зерна пшеницы. Бережно сдув
с них пыль, точно это было не зерно, а драгоценные кру-
пицы, Кузьмич сказал:

— Эх, ёлки зеленые, и пшеничка же уродилась у вас,
Андреич! Уж до чего хороша — наглядеться невозможно.
Такую-то вот и убирать по-хозяйски надо, во время.

— Уберем как-либо, за помощью к вам не пойдем, — поче-
му-то несколько раздраженно ответил председатель. — Вы
бы лучше о своем урожае побеспокоились?

— Как не побеспокоиться! Побеспокоились уже. Слава
богу, всегда с уборкой не хуже других работали, да и по
весне, бог миловал, ни разу по соседям за семенами не ха-
живали, как некоторые.

И, видимо, довольный своим ответом, Кузьмич, попро-
щавшись, заторопился домой..

В кабинете председателя пахло свежим деревом, смолой,
лесом. Свет, пробиваясь сквозь прикрытые ставни окон,
легкими полосками пронизывал полумрак.

Николай долго и обстоятельно рассказывал о себе: о

детстве, о работе, о службе в армии. Вспомнил особенно ярко родной дом с любимой скамеечкой под яблоней и мать, которую ему никогда больше не доведется видеть. Помянул добрым словом товарищей по службе и прежде всего, конечно, Петрована, который присоветовал ему поехать в Горный Алтай.

Председатель сначала слушал молча, только изредка вставляя поощрительное: „Так, так!“ Потом он стал вставлять свои замечания. А когда зашел разговор о фронте, Василий Андреевич не выдержал и дал волю своим воспоминаниям. Как и всегда бывает при встречах двух фронтовиков, да еще случайно воевавших на одном участке фронта, разговор затянулся. Хотелось рассказать о многом. И они говорили, перебивая друг друга, о пройденных с боями краях, о памятных битвах, о неизгладимо запечатлевшемся в памяти.

В комнату, чуть скрипнув дверью, вошел колхозный конюх. С мнущу, привыкая к полумраку, он стоял молча, разглядывая солнечные зайчики, павшие на его сапоги. Потом обратился к председателю:

— А как же, Василий Андреевич, с Мухоркой? Может его расседлать можно?

Председатель взглянул на часы и покачал головой.

— Подумать надо, как время бежит! Придется на время отставить разговорчики. Лошадь отведи пока на конюшню, — сказал он конюху. — А ты, друг, собирайся ко мне. Перекусишь маленько и отдохнешь с дороги. Поживи, сил наберясь, к народу поприглядись. А работа такому человеку всегда найдется по вкусу. Пока поживи у меня, а потом временно можно к бабке Орлихе овределить — у нее чисто и тихо, одна живет, или даже к Черновым — у них новый пятистенник прошлым летом отстроен, да и рады будут товарищу Петрована. А потом, как обвыкнешь, своим гнездом обзаведешься.

От теплого радушия и участия, с которым он встретился сразу же на новом месте, у Николая стало как-то особенно приятно, светло на душе, точно туда проник один из солнечных лучиков, пронизывавших кабинет.

* *
*

Немного отдохнув после обеда, Николай встал и тихо вышел на улицу. Не спалось. Хотелось поскорее разгля

деть село, местность, познакомиться с людьми, с которыми ему теперь придется жить и работать.

Был вечер. Над темными силуэтами гор висела луна. Голубоватый свет ее падал на село. Тени деревьев и изб ложались на широкую улицу едва уловимыми очертаниями. Было немножко прохладно, хотя ветра не было, и дым из домов легкими столбиками тянулся прямо вверх.

Николай неторопясь пошел вдоль улицы, внимательно приглядываясь ко всему. Колхозные домики вытянулись длинной шеренгой, отступив за ограды из штафетника, через которые протягивали ветви, шумя листвой, молодые деревья. Только кое-где рядом с надворными постройками темнели конусообразные аилы. Все говорило о том, что колхоз должен быть крепким и что колхозники здесь живут неплохо.

За селом начинались поля. Было тихо. Николай постоял минуты две—три, прислушиваясь, и вдруг уловил знакомый чуть-чуть слышимый шум трактора. „Молотят или зябь пашут“, — подумал он. И его вдруг нестерпимо потянуло туда, в поле, к людям. Вспомнилось почему-то детство, окрашенный юностью труд на полях там, где сейчас осталось пепелище родного дома. Казалось ему, что стоит только еще немного пройти по освещенной луной дороге на знакомый звук машины и перед ним снова встанет яркая картина детства.

Дорога привела Николая на колхозный ток. Трактор, урча и вздрагивая, старательно вертел шкив молотилки, у которой суетились люди. Время от времени к и без того большой скирде подъезжали брички, запряженные волами, и девушки смеялись, опережая друг друга, складывали подвезенные с поля снопы. У полупотухшего костра сидела большая собака, задумчиво уставив взор на уголья и на малейшего внимания не обращая на происходящее вокруг, даже на нового человека, который появился на току.

Николай подошел прежде всего к трактору, поздоровался с трактористом, обошел, приглядываясь и прислушиваясь, машину. Потом направился к молотилке, запустил руку в теплое, только что намолоченное зерно и, по детски радуясь, поворошил его, процеживая сквозь растопыренные пальцы. Поговорил с колхозниками подававшими снопы, постоял под соломотрясом, чувствуя как пахучая и колкая пыль оседает ему на лицо, забивается за воротник.

Наконец, он не выдержал, сбросил шинель и решительно полез наверх.

—Погоди,—тронул он за плечо колхозница,—дай я немножко подразомнусь.

Николай принял на руки первый увесистый сноп, распушил его и подал в барабан. Урча и вздрагивая, машина проглотила его. Точно изголодавшись за долгое время по привычно-вкусному труду, Николай торопливо стал брать второй, третий, четвертый снопы. Но стоявшие на скирде подавальщики, точно нарочно желая запарить его, стали усиленно подавать все новые и новые снопы.

—Поторапливайся, терой!,—озорно кричали ему девушки,—а то, не ровен час, похороним под снопами!

—Давай, давай!—покрикивал в ответ Николай и сам постепенно входил в азарт. Машина, едва успев проглотить один сноп, получала следующий. Временами на полке оставалось совсем мало снопов и тогда уже Николай кричал девушкам:

—Отстаёте, дорогие мои!

Вместо ответа на полок снова один за другим падали тяжелые снопы.

Но то, что Николай слишком давно уже не стоял у барабана, давало о себе знать. Скоро он почувствовал тяжелую усталость в плечах. Взмокшая от пота рубашка прилипла к спине, и от сырости еще больше раздражали тело колючие охвостья колосьев, набившиеся под рубашку. Николай воймал себя на том, что он уже не так старательно расправляет снопы прежде чем опустить их в барабан и машина, давясь снопом, недовольно взрыкивала, негодуяще дрожа всем корпусом.

„Нехорошо,—подумал Николай,—так и машину можно испортить. С меня на сегодня хватит“.

Он устало спустился вниз и направился к костру, где до этого приметил бочку с водой.

У разгоревшегося теперь костра стояло несколько девушек. Николай остановился, не входя в полосу света. Прямо перед ним, среди подруг, стояла знакомая ему девушка—та самая, что пела днем, работая на жатке. Знакомая пестрая косынка лежала на ее плече, а она, видимо только-что вымывшись, расчесывала волосы, запрокинув руки. Отсвет костра падал на ее лицо, казавшееся еще более интересным, чем днем, на легкое, в мелких цветочках платье, облежавшее фигуру.

Смеясь, девушка отчитывала своих подруг:

—И какие же вы нехорошие, девчата! К вам, говорят, интересный фронтовик прибудился, а вы и помалкиваете. А может быть я тоже желаю им заинтересоваться! Знакомьте сейчас же!

Девушка даже притопнула ногой, нарочито грозно сдвинув над маленьким носиком стрельчатые брови.

—Что ты, Зина! Да мы и сами то его не знаем как следует. Пришел и сразу на молотилку полез.

Николай решительно шагнул к костру, щурясь от яркого света.

—Зачем же посредников просить,—сказал он,—когда я сам налицо. Чтож, будем знакомиться. Николай Щерба.

Он протянул руку, но девушка, услышав его имя, смущенно опустила свою руку, широко раскрыв глаза.

—Николай Щерба?—переспросила она.

—Точно так.

—Разведчик?

—Да.

—Старший сержант?

—Правильно. Но откуда вы знаете?

Девушка не отвечала, продолжая допрос.

—Тот самый, что в районе озера Ильмень ошибку допустил: отправляясь в поиск за контрольным пленным перед наступлением, дал слово захватить оберлейтенанта или даже капитана немецкого, а привел вдруг полковника?

—Был такой грех.

Девушка рассмеялась, протягивая растерявшемуся Николаю руку.

—Вот видите, мы с вами давно знакомы. Меня зовут Зиной. Зина Чернова.

Николай растерянно смотрел на девушку. „Значит это и есть сестра Петрована?“—думал он.

Зина тоже внимательно смотрела на него.

—Значит вот вы какой, Николай Щерба! А я вас представляла совсем не таким.

—Лучше или хуже?—поинтересовался Николай.

Девушка не ответила на вопрос, точно не расслышав его.

—Вы уж и ваработаться успели. Не отдыхается? А мне помнится, вы с братом писали: отвоюемся, домой вернемся,—полгода отдыхать будем, ничего не делая.

—Это тогда так казалось,—отвечал Николай,—только в жизни все иначе получается.

—Почему же обязательно иначе?—возразила Зина.—Не всегда так. Иначе получиться не может, если человек добивается того, чего он хочет. Вот хоть бы я. Решила сегодня до вечера сжать не меньше шести гектаров и сжала.—Она улыбнулась, сверкнув искорками глаз.—А вот сейчас вместо того, чтобы спать итти, хочу на берег Катунь сходить, послушать, как она на камнях шумит. И вы думаете, что будет иначе?

—Это слишком не убедительные примеры, Зина. На Катунь вы конечно можете сходить. Только лучше, если и меня туда проведете. Мне помыться не грех, запыхался.

—Можно,—согласилась Зина, набрасывая на волосы козынку и легко поворачиваясь на каблуках.

Они шли по оцетивившейся стерне совсем рядом—большой, переполненный счастьем Николай и маленькая, подвижная Зина, казавшаяся рядом с ним совсем девочкой. Николай шел молча, наклонив голову, точно разглядывая плывшую перед ним собственную тень. Зина, наоборот, все говорила и говорила: о богатом („никогда еще такого не было“) урожае, о том, что колхоз их, пожалуй, самый лучший в районе, а места их такие красивые, что еще не было случая, чтобы кто-либо раскаивался, приехав к ним.

Они подошли к обрывистому берегу реки. Катунь билась о берег и, отхлынув, с шумом выплескивалась на подводные камни. Было сыро и немного прохладно. Зябко поведя плечами, Зина оглянулась, ища место, где бы присесть. Николай заметил это, сбросил шинель и расстелил ее на траве. Когда девушка осторожно присела на край шинели, Николай набросил шинель на ее плечи, задержав на минуту руки у ее груди. Ему неодолимо хотелось поднять ее сейчас на руки и, прижимая, как ребенка, к груди, ощущать тепло девичье дыхание, итти далеко-далеко бесконечной лунной степью.

Зина вдруг спросила:

—Вы слушаете ли меня? Или не интересно?

—Слушаю, слушаю!

—В жизни очень много хорошего, только мы не всегда им пользуемся. И большей частью по своей же вине.

Она поширила рукой возле себя и, найдя камешек, бросила его в реку. Он удал где-то совсем недалеко.

— Вы ведь сюда зачем шли, Николай? Купаться? Ну и ступайте. Я подожду.

Николай неохотно поднялся. За кустами тальника он сбросил с себя гимнастерку и нижнюю рубаху и встав на большой, слегка покачивающийся камень, стал мыться. Вода была холодная, точно иголочками пронизывала тело, которое сжималось, делалось пружинисто-крепким. Обмывшись, Николай снова подошел к девушке. Она сидела все также, задумчиво глядя перед собой, обхватив руками колени поджатых ног.

— Зина! Вот вы говорите, что в жизни все должно быть так, как человек желает.

— Конечно.

— А как же тогда тот случай, о котором в песне, что я днем слышал, поется. Парень любит, записки пишет, фотографии дарит. И вдруг:

„Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай“.

Девушка засмеялась и встала.

— Значит плохо любил, если его только на свадьбу приглашают, — заключила она.

— Зина!

Николай наклонился к девушке, точно желая поближе заглянуть в ее лицо, и вдруг, сам не понимая, что делает, поднял ее на руки и закружил в воздухе.

— Зачем это? — спросила Зина.

Николай смутился, не найдя сразу ответа, и осторожно, точно хрупкую вещь, опустил ее на землю.

Было тихо. Выплескиваясь на камни, слегка шумела река да издали чуть-чуть доносился гул трактора. Казалось, трактор, кайларя, приглушенно поет бесконечную песню труда, радости и счастья.

КАК НЕ ЛЮБИТЬ?

Близится рассвет. Над колхозным селом и над нивами — открытое звездное небо. После продолжительного ненастья оно очистилось от седых навязчивых туч и выглядит молодо. Свежий ветерок прогуливается по горной долине, тучные колосья спелых хлебов стряхивают с себя последние росы недавних дождей. На токах стучат неутомимые молотилки.

Рослый широкоплечий всадник на сытом вороном коне промчался по селу, растапывая дорожную слякоть, и остановился у колхозной конторы.

— Раненько, раненько ты взялся за счёты, Ефимыч, — заговорил председатель колхоза, закрывая за собой дверь и шурша брезентовым плащом.

Рука Ефимыча подчеркнута щелкнула кссточками счет и остановилась у бортика.

— Как же... Время не ждет.

— Гм, время говоришь? — Председатель вопросительно посмотрел на счетовода и только теперь обратил внимание на его бледное осунувшееся лицо — Да ты, никак, с вечера здесь?

Ефимыч не спеша отодвинул от себя счёты, встал.

— Ничего не поделаешь. Надо.

— Что за надобность? — ворчливо произнес председатель, и, сняв кепку, бросил ее на лавку. — С твоим ли здоровьем не спать по всей ночи? Тем более, что днем успеваешь сделать все, что надо...

— Вы меня за кого принимаете, Николай Филиппыч? Что же я, по вашему, не понимаю? Или души во мне нет человеческой? — Обиделся Ефимыч — Конечно, мое здоровье незавидное. Но душа то у меня здоровая. Значит могу...

— Не к тому я говорю. Все это для меня ясно. Но зачем тратить последние силы, когда не нужно? Сляжешь..

Счетовод взял со стола несколько листков бумаги и подал их председателю.

— Вот, все готово. Итоги за пятидневку, за декаду. Этим я освобождаю себя от конторы дня на два. Пойду в поле—помогу.

— В поле? А отдыхать когда будешь?

— Отдыхать—не пахать, никогда не поздно. Вы не смотрите на меня только как на счетовода. Да, я люблю свое дело. Но не забывайте, что я еще и колхозник. Да, вот именно колхозник!—горячо заговорил Ефимыч, жестикулируя руками. Его небольшая сутуловатая фигура проворно задвигалась по ковчоре. На болезненно-бледном лице выступил румянец. Отшвырнув в сторону стул, загородивший ему дорогу, подошел к столу председателя.

— Какое надо иметь противное сердце, чтобы чувствовать себя спокойно и не думать о нашем бесценном богатстве. Ведь в него вложено столько труда, любви, знаний и опыта колхозников! Есть и моя доля... Это мой хлеб, моя любовь, радость. Мое настоящее и будущее. И убирать его буду я. Да, буду!

Николай Филипыч, сидя за столом, с любовью смотрел на счетовода. Сам он тоже не спал. До поздней ночи пробыл на бюро райкома, а потом поспешил в колхоз. Нужно было воспользоваться установившейся погодой. В бригадах не хватало людей. Необходимо было успеть пересмотреть расстановку сил, всех, кого можно, снять с других участков работы и направить их на уборку хлеба. Но о счетоводе Николай Филипыч и мысли не допускал. И теперь, видя, что этот человек, наполовину потерявший свое здоровье на фронте, собирается помочь, был до глубины души рад.

— Ты прости меня, Ефимыч, за необдуманное замечание—виновато сказал Николай Филипыч—Но отдохнуть тебе часок или два все-таки надо. Тем временем я посмотрю кого еще взять на уборку. Иди. Я заеду за тобой.

После ухода счетовода Николай Филипыч задумался над списком. В контору вошла смуглолицая девушка—Соня Кулунова. Она была чем-то взволнована. На ее черных ресницах искрились слезинки. Придерживая рукой и нервно покусывая уголок серой косынки, она обратилась к председателю, путая слова:

— Я надеялась... Думала вместе... Вы просто не любите...

Николай Филипыч, сясь понять что-либо из этих слов,

внимательно посмотрел на Соню, которую он знал всегда застенчивой, молчаливой. Потом встал со стула и, опершись руками о кромку стола, сказал:

— Ничего не понимаю.

— Про то я и говорю, что вы не видите и не понимаете: что делается тут вот,—с каким то особенным раздражением ответила Соня, ударив себя кулаком по груди,—за человека не считаете, поэтому не говорите...

— Что же я должен сказать?—Спросил Николай Филиппыч, проявляя явное нетерпение.

— Я ведь не девченка. Мне уже семнадцатый... Старухи и те выходят...

— Выходят?—Удивленно посмотрел председатель на девушку.—Ты вот что, Соня, иди лучше успокойся немного, а потом придешь.

Соня, не сказав больше ни слова, отошла к двери и остановилась в задумчивой позе. Ее плечи слегка вздрагивали.

Молчал и Николай Филиппыч. Он опустил свой взгляд на стекло, лежавшее на столе, и увидел себя как в зеркале. Как заметно он постарел за последние два года напряженной борьбы за колхозное счастье. Глубже стали морщинки на смуглом, когда-то красивом лице. Виски слегка посеребрила седина. Вспомнились Сталинград, Воронеж, отважные советские войны, рвавшиеся в бой...

Николай Филиппыч перевел взгляд на Соню. На лице вспыхнула улыбка. Он проворно подошел к Соне и положил ей на плечи руки.

— Эх, молодость! Да как тебя не любить!

В дверь вошла в это время жена председателя Елена Петровна.

Она строго посмотрела на Соню, затем—на своего мужа.

— Вот что, товарищ председатель,—сказала она сухо—я ухожу в поле. Завтрак в печке. Достанешь сам...

И вышла.

..

От каменистой речки до самой горы Ташту золотистым ковром раскинулись богатые нивы. Среди них важно плывет самоходный комбайн. По пологому склону Ташту длинной, широкой лентой прстегла полоса спелой пшеницы. Там стрекодут, как гигантские кузнечики, лобогрейки. Два звена вязальщиц, разделив полосу пополам, окружили каждое свою половину. Разноцветные платки—серые пестрые, синие—то и дело взлетают, как легкие бабочки.

Раскрасневшийся от напряженной работы Ефимыч, увидев подошедших Соню и Фросю, воскликнул от радости:

— Вот это я понимаю! Ну и молодчины же вы, во-время подоспели! Это кто же нам послал такое счастье?

— Мы сами.—В один голос ответили подруги.

— Вот как? А ну, давайте за дело, коли так.—оживленно сказал Ефимыч, завязывая сноп.—Эх, вот когда дела-то пойдут!

Он сдернул с себя рубашку, смял ее в комок и с силой бросил на сноп, комок подпрыгнул белым зайчиком, развернулся и повис на упругой стерне.

Живой, подвижный Ефимыч подбежал к валку, ловко обнял его, перевернул, завязал, подобрал колоски и побежал к следующему, громко приговаривая.—А ну, живей, живей! Чище, чище! Ну и пшеничка! Чистое золото!

Девушки тоже работали с удивительным проворством и ловкостью, шутили, смеялись. Их веселость, кипучая энергия и проворство, как электрический ток по проводу, передались по всей цепи вязальщиц.

Живая, кипучая волна охватила всех. Даже всегда неповоротливая Дарья Семеновна, работавшая с ленцой, заулыбалась, зашевелилась проворнее, стала совсем не узнаваемой. Пожилой машинист Гокуш Санзаров весело запел алтайскую песню. Поравнявшись с Еленой Петровной, он громко сказал, стараясь перекричать лобогрейку:

—Эх, хорошо! Всегда надо так...

Елева Петровна—лучшая вязальщица, провожая взглядом веселого машиниста, на минуту остановилась. Затем увидела, что Соя, работавшая по-соседству с ней, уже связала два снопа из нового заезда. В голове мелькнула мысль: „А вдруг обгонит“?

Как ни старалась Елена Петровна нагнать упущенное, все же не успела связать последний сноп. Ей помогла Соя. Поблагодарив девушку, она подумала: „Ну вот и опозорилась“. Так ей не повезло сегодня с самого утра. Какую надо было иметь силу воли, чтобы не расплакаться, не кричать на мужа за его утренний разговор с Соней.

Елена Петровна уже не раз пыталась сегодня забыть об этом, успокаивала себя. Но все напрасно.

На Соню Елена Петровна не серчала: „ребёнок еще, глупая“. И когда случалось, что девушка не успевала,—спешила ей на помощь: „хлеб тут не причём“. Но вот уже

несколько заездов подряд Соя не отставала. Это несколько обеспоковало Елеву Петровну. Она была рада успехам Сои, но отдать первенство ей, молодой, ещё не опытной вязальщице не хотела, считала это позором.

* *

Николай Филипыч с утра находился в первой молотильной бригаде. Помогал. Учил неопытных. И только, когда бригада начала работать слаженно и чётко, он отправился ко второй бригаде.

—Браво, браво, молодцы! Дали слово и не опоздали. — Весело произнёс Николай Филипыч обращаясь к подошедшей группе ребят во главе с дедом Ильей Парамонычем.

—Я так думаю, Микола, — сказал старик, — ребяток направлю на колоски под началом бабки Алены... А тебе вот что скажу: дела у вас неплохи. Да-а. Но ты всё-таки скажи своему народу, что колосок, мол, падает не тощий, не-ет, самый ядреный. Подбирать надо. Ну, а теперь пойдём, посмотрим, что у тебя тут...

Дед направился к месту, где очищали зерно, грузили тяжёлые мешки и отправляли на пункт „Заготзерно“.

—Вот и я нашёл дельце, — сказал Парамоныч, подойдя к подвешанному большому решету с зерном. — На этом я не хуже сортировки обработаю. Сделаю несколько пудов и то подмога будет.

И, взявшись сухими морщинистыми руками за борта решета, начал „кружить“. После нескольких движений сорняки всплыли наверх маленьким кружочком. Дед, осторожно сняв их, взял горсть крупного налитого зерна пшеницы и, пересыпая её с одной ладони на другую, залюбовался.

—Да-а. Хороша, хороша. Лучшего подарка для нашей Родины и не придумаешь. Есть чем порадовать. Да-а... Вот бы настряпать калачей, наших крестьянских, да пригласить бы в гости отца нашего, дорогого товарища Сталина! — Посмотрел он на всех — не стыдно.

* *

Поздно вечером, когда уже нельзя было косить, все вязальщицы, машинисты и комбайнер стали помогать молотильным бригадам. Пришли на помощь и пахари, работавшие на взлёте зяби. Людей хватало теперь на две смены. Все были заняты делом: подвозили снопы на больших

рыдванах, молотили, метали солому, веяли, грузили зерно на подводы. Все ходило, двигалось, стучало.

Неутомимые, неугомонные юноши и девушки из отдыхающей смены также не спали. Неустаянно звучали их веселые задушевные песни. Им вторили, выстукивая в такт свою партию, две молотилки. Всюду раздавались веселые, жизнерадостные голоса. Но вот послышался властный голос бригадира:

—Смену, смену, давайте!

Совя, Фрося и все остальные девушки и парни побежали к машине...

Всю ночь не прекращалась работа. Бесконечным потоком струилось тяжелое налитое зерно.

Утром снова разошлись по своим местам. И снова ожило всё колхозное поле.

В полдень дали сигнал на обед. Все ушли на стан. Только Елена Петровна еще оставалась на работе. Готовила перевясла: „пока они дойдут да что, я тем временем заготовлю штук тридцать—сорок.“

Однако через несколько минут и Елена Петровна пошла на стан, не сделав и тридцати штук. Оставшись в поле одна, она сразу же почувствовала как защемило сердце. Тяжёлым, холодным камнем навалилась скука, сдвинула грудь. Вспомнилась неприятная история. „Неужели это правда? Сказал, что едет в райком, а сам может пробыл всю ночь с ней? Но как это можно? Куда девалась совесть? Нет, нет. Этого и быть не может. Не такой он... Да и она тоже...“ —Думала Елена Петровна и не заметила как подошла совсем близко к стану. Сделав еще несколько шагов, она вдруг остановилась. За небольшим кустарником обняв Сою, стоял Николай Филипыч. Поцеловал в щеку. Девушка не сопротивлялась.

У Елены Петровны замерло сердце. Ослабли ноги и она, закрыв глаза, медленно олустилась на землю, шепча охрипшим голосом:

—Всё, всё теперь!

Горькие слёзы полились из её глаз по запыленному лицу, оставляя узкие дорожки на щеках. Сувила руку в карман фуфайки, чтобы достать платочек. Вместо него нащупала что-то другое, жесткое. И достала несколько тучных колосков пшеницы, которые она подобрала, когда шла. „Время ли сейчас киснуть“ —подумала она и, встав реши-

тельно подошла к стану. Мужа уже не было видно. Соня стояла одна и говорила:

— Сегодня наш колхоз полностью рассчитался с государством. И я очень рада, что приняла участие... Вчера утром, в конторе, я своими слезами удивила Николая Филипыча. Мне до слёз хотелось идти в поле. Я понимаю, что и на птицеферме надо работать, но как увижу, что даже старухи выходят на уборку хлеба, так сердце начинает разрываться на части. А тут ещё, думаю, погода может испортиться... Спасибо за то, что не отказали... А на ферме пока и без меня обойдутся.

У Елены Петровны отлегло от сердца. Подойдя вплотную, она увидела, что не только Соня, но и все колхозники были здесь. Они, усевшись, на ве большой полянке слушали выступление девушки. Их загорелые, запылённые лица сияли счастливой улыбкой.

Елена Петровна теперь уже смотрела на всех — на Соню, на Ефимыча, на мужа — веселыми глазами, полными счастья. Ей невольно хотелось сказать: „И в самом деле, как не любить?“ Потом прошла к мужу и села с ним рядом.

В след за выступлением Сони слово попросил Парамонич.

— Я хоть и колхозник-то не важнецкий, да что поделаешь, какой есть... Стало быть мы своё слово выполнили. Это хорошо. Но я не об этом речь веду. А вот как бы перевыполнить его, да пудиков эдак с полтыщи хлеба сверх плана дать, а?

Слова Парамонича встретил дружный взрыв аплодисментов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
Ч. ЧУНИЖЕКОВ. Великий вождь. Перевод с алтайского М. Длуговского	3
И. ЧАПЫЕВ. Мы идем к коммунизму. Перевод с алтайского М. Длуговского.	4
А. САРУЕВА. Дума о вождях. Перевод с алтайского К. Козлова	5
С. СУРАЗАКОВ. Светлый дом. Перевод с алтайского М. Длуговского	7
Ч. ЕНЧИНОВ. Кырачи. Песня. Перевод с алтайского К. Козлова.	8
М. ДЛУГОВСКОЙ. Стихи о моих земляках.	11
А. КАЛКИН. Песня пастуха. Перевод К. Козлова.	14
С. КУДЕРМЕКОВ. В горах Мендур-Сокона. Перевод с алтайского К. Козлова.	15
Ч. ЧУНИЖЕКОВ. Весна. Перевод с алтайского И. Фролова	16
С. БАРЫБИН. Стихи для детей	18
К. КОЗЛОВ. Золотая звездочка. В колхозном саду	20
А. ШАБУРАКОВ. Жизнь хороша. Перевод с алтайского Е. Стюарт	23
И. КОЧЕЕВ. Яблонька. Перевод с алтайского К. Козлова	25
В. КУЧИЯК. Песня алтай кижи. Перевод с алтайского М. Длуговского. Кузнец. Перевод с алтайского К. Козлова	26
Н. КРАВЦЕВА. Созидатели	27
К. РАСТЕГАЕВ. Песня (рассказ)	28
И. КОЧЕЕВ. Как не любить (рассказ)	39

Редактор С. КАТАШ.

АН 04455 Подписано к печати
18/1-50 г. Печатных листов 3.
Ф. б. 60×84. Тираж 3000 экз.
Заказ 93.

г. Горно-Алтайск, типография
облесполкома.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT
5712 S. UNIVERSITY AVE.
CHICAGO, ILL. 60637

105

Цена Т р. 50 коп.